

УДК 130.2
ББК 86.3

**ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К БУДДИЗМУ В СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

С. Ю. Ленехов

Российская конфессиональная политика формировалась в течение длительного времени под влиянием многих разнонаправленных факторов в условиях взаимодействия с различными культурами и религиями. За довольно короткое историческое время сложилось обширное культурно-историческое пространство, на котором относительно мирно сосуществовали тысячелетние культуры, множество этносов. Буддисты представляли одну из сравнительно молодых для российского государства конфессий, но весьма активную по степени своего воздействия на жизнь государства, особенно в конце XIX и начале XX в.

В конце XIX в. политика царского правительства по отношению к буддизму находилась под влиянием нескольких противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, целью принятого в 1853 г. «Положения о ламайском духовенстве» было создание независимой буддийской сангхи в Восточной Сибири, полностью подконтрольной правительству [см.: Наследие, I 2010: 215–216]. Как отмечалось комиссией Куломзина, «изданием положения 1853 года завершились начавшиеся еще с распоряжения Рагузинского в 1728 г. заботы правительства о создании из восточно-сибирских лам автономного духовного целого, в видах прекращения постоянного общения с Ургою» [Материалы... 1898: 141]. С другой стороны, юридически закрепляя льготы для буддийского духовенства, наделяя его землей и властью, правительство фактически стимулировало развитие буддизма в Забайкалье, и ограничительные меры, предусмотренные «Положением...» и призванные сдерживать количество священнослужителей и дацанов (монастырей), с самого начала были не достаточно эффективными. К концу XIX в., по данным комиссии Кулом-

зина, в Забайкалье было 5 545 лам вместо положенных по штату 285, согласно «Положению» 1853 г. [Материалы... 1898: 142]. Хотя официально разрешено было обучать хувараков (учеников) только в Гусиноозерском дацане, фактически их обучали в каждом монастыре [Материалы... 1898: 158]. Увеличение числа лам закономерно усилило центробежные стремления в их среде. Чиновники были вынуждены придавать сложившемуся status quo хотя бы видимость законности. В 1890 г. была введена «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии», согласно которой ряд дацанов тункинских и аларских бурят был выведен из-под управления хамбо-ламы и стал подчиняться местным ширетуям «под руководством и наблюдением иркутского генерал-губернатора» [Материалы... 1898: 141].

Сложившееся положение дел не удовлетворяло ни чиновников, считавших законы Российской империи в отношении буддийского духовенства слишком «мягкими», ни православное духовенство, полагавшее, что «более ста лет русское правительство писало законы для ограничения ламства <...> и все они оставались без исполнения, и даже, как будто назло, чем больше правительство хлопотало об ограничении лам и их идолопоклонства, тем больше они усиливались» [Вениамин 1885: 49]. В 1892 г. в связи с назревшей необходимостью пересмотра устаревшего и фактически не работавшего «Положения...» 1853 г. было собрано «Особое совещание по делам ламайской веры», с участием представителей Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, Министерства государственных имуществ, Синода, на котором был заслушан доклад генерал-губернатора барона А. Н. Корфа «О мерах облегчения

христианской проповеди в Забайкалье». Совещание не смогло принять какие-либо конкретные решения в отношении буддистов, поскольку тенденции к ужесточению правительственных мер противостояла тенденция ко всемерному использованию международных связей бурятских лам в буддийском мире для усиления экспансионистской политики царской России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Правительство стремилось укрепить связи с Тибетом, который в это время продолжал оставаться закрытой для европейцев страной.

В 1900–1902 гг. на средства Русского Географического общества под видом буддиста-паломника Гомбожаб Цыбиков совершил путешествие в Лхасу. В 1906–1907 гг. Базар Барадин по поручению Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии при Академии наук совершил путешествие по Монголии и Тибету, посетил монгольские и тибетские буддийские монастыри. Г. Цыбиков и Б. Барадин были представителями бурятской интеллигенции, сочетавшей в себе буддийскую и европейскую культуры. В конце XIX в. бурятская диаспора в Санкт-Петербурге начинает оказывать заметное влияние на формирование восточной политики России. Петр Александрович Бадмаев (1851–1920), чиновник департамента Министерства иностранных дел, становится лечащим врачом императорской семьи и, пользуясь своей близостью к Николаю II, дает советы, касавшиеся политики России в Тибете, Китае, Монголии, Маньчжурии. Он открывает на свои средства школы в Урге и Санкт-Петербурге, в которых готовили переводчиков, писарей, делопроизводителей, коммерсантов. Выдающиеся достижения востоковедов-буддологов Санкт-Петербургского университета становятся достоянием просвещенной общественности столицы и способствуют возрастанию в этой среде интереса к буддизму.

Во второй половине XIX в. Сибирь была вовлечена в бурное экономическое развитие. Необходимость осваивать значительные природные ресурсы Сибири, Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья, новые рынки сбыта и сферы приложения капитала требовала быстрого развития транспортной инфраструктуры, развития опорных пунктов для продвижения российских торговых, промышленных и финансовых

интересов в Средней, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В 1891–1893 гг. была построена Сибирская железнодорожная магистраль, которая в значительной степени облегчила распространение военно-политических и экономических интересов России на Центральную Азию, Дальний Восток и прилегающие территории.

П. А. Бадмаев предложил протянуть ветку до г. Ланьчжоу, являвшегося опорным пунктом для движения в Тибет и Синьцзян. Для организации торгового дома «П. А. Бадмаев и К°» он получил от правительства 2 млн рублей золотом. Торговый дом П. А. Бадмаева призван был провести подготовительную работу по продвижению российских торговцев в Тибет. С этой целью П. А. Бадмаевым были отправлены отряды вооруженных бурят и монголов в Монголию, Китай и Тибет. На определенном этапе интересы П. А. Бадмаева и правительства совпадали. Возглавивший Министерство финансов в 1892 г. С. Ю. Витте полагал, что «по своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. С. Ю. Витте беспокоили усилия англичан по проникновению в эту страну, и он считал, что «Россия ... должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. Планы же П. А. Бадмаева были гораздо масштабнее и грандиозней. Он считал, что Россия должна воспользоваться ослаблением маньчжурской империи, подготовить восстание против маньчжур и захватить Монголию, Тибет и часть Северного Китая. Поскольку С. Ю. Витте удалось в 1896 г. инициировать контракт с китайскими властями на строительство Китайско-Восточной железной дороги, П. А. Бадмаев стал представлять угрозу для реализации этого проекта и был отстранен от участия в нем. П. А. Бадмаев не мог остановиться на полпути, тем более, что, по признанию самого С. Ю. Витте, «посланные Бадмаевым буряты, хотя и открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. Взгляды П. А. Бадмаева на необходимость более агрессивной политики по отношению к Китаю разделяли и другие высокопоставленные чиновники и придворные,

в их числе прежде всего А. М. Безобразов, ставший впоследствии статс-секретарем Николая II, великий князь Александр Михайлович и др. Начавшиеся в 1899 г. англо-бурская война и восстание ихэтуаней в Китае создавали вполне благоприятную ситуацию для возможности осуществления планов «безобразовцев», которые на практике оказались не столь утопичными, как это могло показаться вначале, и как их расценивал С. Ю. Витте. Россия не осталась в стороне от китайских событий и ввела свои войска в Маньчжурию.

Значительную роль в формировании политики царского правительства по отношению к буддизму не только в пределах Российской империи, но и в регионе Центральной Азии в целом сыграл Агван Доржиев¹, который, будучи бурятом по происхождению, и, следовательно, российским подданным, являлся крупной политической фигурой в тибетском правительстве. Царскому правительству потребовалось какое-то время, прежде чем оно в полной мере сумело оценить все выгоды и преимущества этой уникальной ситуации и использовать ее в своих интересах.

В 1898 г. А. Доржиев совершил свою первую поездку в Россию, где добился аудиенции у Николая II и сумел установить контакты с окружением С. Ю. Витте и Э. Э. Ухтомского и добиться понимания и доброжелательного приема с их стороны.

Наиболее активные участники политической игры, развернувшейся в начале XX в. в Центральной Азии, — Великобритания, Россия и Китай — стремились добиться преимуществ, пользуясь временным ослаблением конкурентов, но преследовали разные цели. Китай, ощущая собственную слабость в прямых столкновениях с западными державами, стремился удержать подвластные ему территории в прежних границах. Россия также должна была укреплять свои восточные

границы ввиду растущей экспансии Японии и западных держав. Англия видела угрозу в успешной активности России в Средней Азии и стремилась предотвратить ее приближение индийским границам, но в то же время использовала эти факторы как предлог для своей экспансии в Тибет². Подписав мир с бурами и заключив союз с Японией, Англия укрепила свои позиции и могла позволить себе более активно проводить политику в Центральной Азии. С началом русско-японской войны в феврале 1904 г. российские возможности в Тибете были полностью нейтрализованы и английский вооруженный отряд под командованием полковника Ф. Янгхазбенда практически беспрепятственно вошел в Лхасу в августе 1904 г., что вынудило Далай-ламу покинуть тибетскую столицу и искать убежища вблизи российской границы, в Урге, в надежде на помощь и защиту России в чрезвычайных обстоятельствах.

² Именно об этом пишет наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев в секретной телеграмме от 11 декабря 1903 г. посланнику в Пекине П. М. Лессару: «Не могу согласиться с приведенным в телеграмме 2 декабря взглядом, что деятельность Англии является отголоском занятия нами Маньчжурии.

Попытки Англии включить Тибет в сферу своего политического влияния начались задолго до возникновения маньчжурского вопроса и составляют продолжение той наступательной политики правительства Индии, благодаря которой последовательно подчинились английскому господству Непал, Бутан, Бирма, Сикким и среднеазиатские владения. По Сиккимскому соглашению с Китаем от 17 марта 1890 г., Англия выговорила себе право условиться о непосредственных сношениях, официальных и торговых, между Индией и Тибетом. Дальнейшими ее шагами в этом направлении, вполне естественном и неминуемом, если мы тому не воспротивимся, будет подчинение ее владычеству Тибета, как подчинены [были] остальные владения, без всякой связи с маньчжурским вопросом. Не подлежит сомнению, что и Китай отнесся бы к захвату Тибета так же пассивно, как теперь, в случае, [если] бы мы не занимали Маньчжурии, и что мы и тогда не встретили бы с его стороны этого содействия к восстановлению status quo в Тибете, о котором Вы упоминаете в телеграмме. Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении все буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь непосредственно воздействовав на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 402. Л. 54–55].

¹ Агван-Лопсан Доржиев (1854–1938) родился в урочище Хара-Шибирь Хоринской Степной думы (ныне Заиграевского р-на Республики Бурятия). В 18 лет он поступил в качестве хуварака в Гоманский дацан при тибетском монастыре Брайбунг. В 35 лет получил ученую степень лхарамбы и стал одним из духовных наставников Далай-ламы тринадцатого Агван-Лобсан-Тубдан-Чжамцо (1876–1933), был его ближайшим советником, министром финансов Тибета, осуществлял важные дипломатические миссии по поручению Далай-ламы.

Пользуясь поражением России на Дальнем Востоке в войне с Японией, англичане стремились развить свой успех и использовать Тибет как плацдарм для проникновения в Кашгарию и воздействия через нее на мусульман Русского Туркестана, а также на буддистов Монголии и Сибири [Россия и Тибет... 2005: 21].

Озабоченность российских властей положением в Тибете и существующей угрозой своим интересам в азиатских владениях понималась (и отчасти разделялась) и другими государствами. Так, французский посол в России Бомпар в беседе со своим английским коллегой Спринг-Райсом в 1904 г. отметил, что беспокойство России в отношении Тибета совершенно естественно и правомерно, поскольку Лхаса рассматривается монголами, калмыками и бурятами как их основной религиозный центр, и та иностранная держава, которая сумеет его контролировать, сможет оказывать влияние на все буддийское население России. Выход из создавшегося положения, по мнению Бомпара, возможен только в случае, если и Англия, и Россия откажутся от стремления занять приоритетные позиции в этом регионе [Россия и Тибет... 2005: 22–23].

Положение Великобритании после окончания англо-бурской войны и подписания антиросийских по своей направленности соглашений с Японией улучшилось, но не настолько, чтобы она могла не опасаться усиления Германии. Англии для противовеса Германии нужно было укрепить отношения с Францией, которая в свою очередь увязала подписание соглашений с достижением консенсуса с Россией.

Примечательно, что тибетский вопрос стал ключевым в этой дипломатической игре, и основной мотивацией России было стремление обеспечить религиозные интересы своих подданных³. Сложившаяся к тому времени влиятельная и авторитетная группировка в российской элите, куда входили великие князья Николай Михайло-

вич и Константин Константинович, князь Э. Э. Ухтомский, востоковеды С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. М. Позднеев, П. К. Козлов, П. А. Бадмаев и др., оказывала давление на правительство и императора Николая II с целью побудить их к более решительным действиям в Центральной Азии. В начале 1904 г. по согласованию с военным министром А. Н. Куропаткиным и с соизволения царя в Тибет была послана тайная экспедиция калмыков, целью которой было склонить тибетских монахов к союзу с Россией, а не Англией [Андреев 1997: 11].

В 1905 г. под давлением революционно-демократического движения царское правительство вынуждено было декларировать право свободы совести, что нашло отражение в императорском манифесте «Об укреплении начал веротерпимости» [см.: Наследие, I 2010: 236–238]. В манифесте провозглашалось право перехода из православия в другие вероисповедания, что, в частности, давало возможность многим крещеным бурятам возвратиться к буддизму. С этого момента позиции буддизма в Бурятии значительно усилились. В сложившейся исторической ситуации А. Доржиев явился одним из главных идеологов так называемого «обновленческого» движения в российском буддизме. Для лидеров обновленческого движения стало ясно, что буддизм в таких регионах традиционного распространения, как Бурятия и Калмыкия, сможет быстро развиваться только в том случае, если основные буддийские сочинения будут переведены на понятный простому народу язык. Службы на тибетском языке, проводившиеся в бурятских дацанах, изначально представляли собой ни что иное, как буддийскую проповедь, и могли быть понятны только немногим по-настоящему образованным ламам. То представление о буддизме, которое сложилось в монгольском обществе, а затем в Бурятии под влиянием феодальной верхушки, заинтересованной в том, чтобы буддийское духовенство защищало прежде всего ее интересы, расходилось с тем, которое сложилось в европейской и российской буддологии на основании изучения древних источников. Наиболее образованные представители бурятской интеллигенции, такие как Ц. Жамцарано, Б. Барадийн, Э. Ринчино, Г. Цыбиков, стремились возродить «чистый» буддизм, реформировать буддийскую цер-

³ Е. И. Кычанов и Б. Н. Мельниченко в своей монографии «История Тибета с древнейших времен до наших дней», характеризуя внешнюю политику России в описываемый период, отмечают: «Интересы России в Тибете лежали преимущественно в религиозной сфере: российские буряты и калмыки — буддисты признавали Далай-ламу своим духовным главой» [Кычанов, Мельниченко 2005: 212].

ковь, сделать буддийскую этику понятной и доступной для простого народа, и на этой основе осуществить национально-культурное возрождение бурятского народа. Перед обновленческим движением возникла и другая задача: объединить буддийское духовенство из различных национальных регионов и создать единую буддийскую конфессию во всероссийском масштабе. Первая русская революция 1905 г., а затем и Февральская революция создали благоприятные условия для осуществления целей «обновленцев»⁴.

⁴ В 1905 г., не занимая еще никакого официального положения ни в буддийской церкви, ни в органах управления, видные представители этого движения Базар Барадин, Цыбен Жамцарано и Лысок Гончиожапов обращаются к С. Ю. Витте с письмом в защиту достоинства буддистов и их права свободно исповедовать свою веру, не подвергаясь дискриминации по религиозному признаку: «Узнав, что на днях будет рассматриваться в Комитете министров под председательством Вашего высокопревосходительства вопрос о расширении религиозной свободы иноверцев, мы, нижеподписавшиеся буряты-буддисты, как частные лица, считаем нашим нравственным долгом представить Вам некоторые частные пункты, удовлетворение коих в настоящее время было бы крайне важно для бурят, причем мы вовсе не касаемся вопроса о коренном изменении или пересмотре существующих законоположений о буддистах и о предоставлении им полной свободы совести. Пункты будут следующие:

I. По единогласному утверждению ученых авторитетов и образованного мира, буддизм давно признан как религия высокой нравственности. Между тем в русских учебниках географии, одобренных МНП, а также во многих других изданиях, в особенности миссионерских, нас, буддистов, называют язычниками, приравнивая к идолопоклонникам. Систематическое проведение в русских школах и в народе такого взгляда на буддизм и буддистов, во-первых, не отвечает действительности, во-вторых, оскорбляет наше религиозное чувство, и, в-третьих, давая превратное понимание в русском народе и обществе, вызывает ненормальное отношение к нам, бурятам, якобы идолопоклонникам. А потому необходимо, чтоб, по крайней мере, в учебниках буддисты назывались буддистами, а буддизм рассматривался не превратно.

II. Необходимо распространить разрешение (1903 г., январь) на преподавание буддийского верования в бурятских училищах МНП и в тех школах, где еще не распространено сие разрешение.

III. Для поступления в Иркутскую учительскую семинарию МНП и в школу, при ней на-

ходящуюся, систематически требуется предварительное окрещение мальчиков-буддистов и шаманистов. Вследствие такого ограничения местные буряты-нехристиане лишены возможности получать педагогическое образование. Так как бурятам крайне необходимо педагогическое образование, семинарское и институтское, то необходимо открывать свободный доступ бурятам-нехристианам во все учительские семинарии, в особенности в Иркутскую, и учительские институты.

IV. Многие наши буряты, официально считающиеся православными и шаманистами (Иркутская губерния), фактически являясь буддистами, не могут открыто исповедовать своей буддийской религии из-за административных преследований и из опасения кары закона за вероотступничество. Такое двусмысленное ложное положение вещей необходимо уничтожить, разрешив сим бурятам принципиально и на деле добровольный свободный переход в буддизм, в крайнем случае — шаманистам, для которых переход в буддизм был бы безусловным прогрессом.

V. Благодаря временным административно-миссионерским мерам наши буряты Иркутской губернии в высшей степени стеснены в деле исполнения своих религиозных нужд, не имея, во-первых, возможности свободно получать из-за китайской границы и из соседнего Забайкалья необходимые книги (тибетские и монгольские), бурханы и прочие предметы культа, а также лекарства и материалы тибетской медицины, которая является неотъемлемой частью нашей буддийской веры и крайне необходима для народного здравия; во-вторых, возможности пригласить сведущих духовных лиц из Забайкалья для исполнения религиозных треб и врачебной помощи; в-третьих, возможности получать религиозное и медицинское образование в Забайкалье, т. к. в самой Иркутской губернии никаких школ не имеется для таковой цели. А потому необходимо упразднить временные правила, по которым буддисты Иркутской губернии изъяты из ведения своего духовного главы, хамбо-ламы буддийского духовенства Восточной Сибири, и отданы в ведение местной губернской администрации, и вновь предоставить иркутских бурят-буддистов в ведение хамбо-ламы в деле их религии, установив полную свободу сношений по религиозным делам с Забайкальем и разрешив беспрепятственно привозить из Забайкалья и Китая книги, бурханы и прочие предметы культа, а также лекарства и материалы тибетской медицины.

VI. Также крайне необходимо разрешение свободного пропуска религиозных книг и прочих предметов культа, лекарств и материалов тибетской медицины забайкальским бурятам из-за китайской границы, ибо циркуляром центральных и местных властей недавно установлены

А. Доржиев, побуждая Далай-ламу обращаться за поддержкой к российскому правительству, поставил последнего в достаточно затруднительное положение: находясь в Урге, он оказался практически в изоляции не только от своего тибетского окружения, но и был прохладно встречен монгольским богдо-гэгэном и российским консулом В. Ф. Любой, который всячески уклонялся от встреч с ним. В этой ситуации Далай-лама нашел поддержку в лице ряда монгольских влиятельных нойонов и лам-перерожденцев, сумев убедить их, что Цинская империя уже не в состоянии контролировать Халху и Тибет и настало благоприятное время для борьбы за свою независимость⁵.

крайне стеснительные преграды и даже запрет по отношению ввоза упомянутых предметов» [«Частная записка представителей бурят-буддистов Председателю комитета министров Российской Империи, Статс-секретарю С.Ю.Витте о расширении религиозной свободы буддийской веры в Восточной Сибири. 7 февраля 1905 г. [НА РБ. Ф.П-1. Оп.1. Д.1 287. Л.38–40].

⁵ В записке полковника генерального штаба А. Л. Хитрово, исполнявшего в 1906 г. должность кяхтинского пограничного комиссара, отмечается: «Далай-Лама с единомышленниками монгольскими князьями и влиятельными хутухтами-гегенами, в принципе бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития... Поддержка и покровительство России, в мнении Далай-Ламы, должны выразиться в том, чтобы Россия, признав справедливость требований Монголии и Тибета, приняла бы от Далай-Ламы его представления по этому вопросу и внесла их на обсуждение и решение всех великих европейских держав, которые, как уверен Далай-Лама, не могут не согласиться с законностью сих требований» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 310–315]. Комментируя планы Далай-Ламы, А. Л. Хитрово делает выводы: «Не зная ни правил, ни обычаев международных политических сношений, никому из других держав и народностей не доверяя, монголы и тибетцы, естественно, обращаются к своему историческому могущественному соседу России, в подданстве которой имеются родные монгольские племена, считая при этом, что всякие другие пути противны их национальной этике, и если эти иные пути и могут быть использованы, то не иначе как с разрешения той же России» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 310–315].

Постепенно царское правительство стало осознавать, что Россия может использовать деятельность Далай-ламы в Монголии к своей выгоде, укрепляя свои пошатнувшиеся внешнеполитические позиции после проигранной русско-японской войны [Shaumian 2000]⁶.

О потенциале России и возможности расширения ее влияния в Азии писал в своей секретной записке в МИД России от

⁶ 6 июня 1906 г. у министра иностранных дел А. П. Извольского состоялось совещание, на котором предстояло выработать позицию России относительно дальнейшей судьбы Далай-ламы — возвращаться ли ему в Тибет или временно поселиться в Кукуноре, т. е. недалеко от Монголии. Любопытно, что, кроме чинов Министерства иностранных дел, на совещание были приглашены: действительный статский советник П. П. Семенов (Тянь-Шанский), вице-председатель Императорского Русского географического общества; тайный советник А. М. Позднеев, член Совета Министерства народного просвещения; князь Э. Э. Ухтомский; действительный статский советник С. Ф. Ольденбург, неперменный секретарь Императорской Академии наук; действительный статский советник В. В. Владимириков, директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий; и капитан П. К. Козлов, путешественник. Участники совещания отметили: «...Мы заинтересованы Тибетом прежде всего в том отношении, что среди наших подданных имеется немалое число буддистов, вследствие чего нам, конечно, выгодно пользоваться расположением их духовного главы, всеми ими признаваемого и почитаемого. Есть затем и другая сторона вопроса, специально затрагивающая Россию, а именно, наше первенство в деле научных исследований Тибета. Заслуги наших путешественников и ученых в этой области признаются всеми, между прочим и англичанами, и нам во всяком случае следует по мере возможности отстоять для русской науки право свободно идти вперед по открытому ею пути» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 288–290].

На совещании обсуждался также вопрос о том, каким образом выполнить нравственные обязательства перед Далай-ламой в случае возникновения угрозы его жизни или положению, поскольку «всякое несчастье, которое постигло бы Далай-Ламу в ближайшем будущем, вне всякого сомнения, было бы истолковано буддистами как несоблюдение Россией своих обещаний, породило бы в них предположение о нашей слабости и, таким образом, подорвало бы в глазах огромного буддийского мира обаяние России и доверие к ее мощи и силе» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 288–290].

20 ноября 1907 г. и А. Доржиев: «Необходимо, чтобы Россия устремила свое внимание на правильную постановку политики на континенте Азии, необходимо, чтобы сообразно с новыми соотношениями сил и требованиями жизни на местах были приняты соответствующие шаги для усиления влияния на Монголию и Тибет. Надо совершить культурно-экономическое мирное завоевание этих стран. Тогда только, когда эти обе страны будут чувствовать себя тесно спаянными общностью культурно-экономических интересов, будет достигнут мир на все время, и Россия будет играть ту роль, которую давно должна была сыграть в жизни Монголии и Тибета. Такое культурно-экономическое завоевание Россия может совершить без особого труда, ибо у нее имеются этнографически-бытовые, материально-экономические и религиозно-культурные посредующие звенья на всем протяжении китайской границы, начиная с туркестанских инородцев и кончая бурятами и тунгусами» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

В числе торгово-экономических мер, предлагаемых А. Доржиевым, обращает на себя внимание проект торгово-промышленного дома, «деятельность которого охватила бы неразрывной сетью всю Монголию и Тибет. Центральный аппарат мог быть размещен в Кяхте или Урге, а филиалы в разных местах Монголии, Тибета, Китая и России, причем в России предлагается открыть отделы в Москве, Варшаве и Иркутске, в Китае — в Пекине, Шанхае и Ханькоу, в Халхе — до 15 отделений и в Тибете — в Алашане, Гумбуме, Лабране, Лхасе, Дашилхумбо, Накчу, Цайдаме и Кукуноре. Пайщиками могут входить «монголы, тибетцы, буряты, калмыки и их товарищества, монастыри, улусы, хошуны и прочие юридические лица, как бы мал или велик ни был вложен пай». А. Доржиев особо отмечает, что «торговый дом (а через него — Россия) должен приносить материальную и духовную пользу монголо-тибетской массе, в противоположность китайской, английской и японской политике, которая основана на бессердечном «выжимании соков» из туземцев» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

Торгово-экономические меры, по замыслу А. Доржиева, обязательно должны были дополняться культурно-просветитель-

ными, в числе которых он предлагает организацию общеобразовательных заведений, «где могли бы обучаться монгольские и тибетские дети вместе с русскими и бурятами; ... в программу преподавания должны входить русский, монгольский, тибетский, китайский и английский языки, по выбору учащихся, история и литература народов, к которым принадлежат учащиеся, а также учение Будды». Наряду с общеобразовательными, следует открывать и специальные: «горное, промышленное, педагогическое и т. п.». «Особенно важно, — отмечает А. Доржиев, — чтобы своевременно подготавливался преподавательский персонал из русских подданных, которые могли бы вести школу в Монголии и Тибете». Кроме того, следует широко поставить издательское дело на монгольском и тибетском языках. Такими просветительно-культурными мерами можно было, по мнению А. Доржиева, достичь того, что «монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на свое идейное отечество» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

В 1908 г. Далай-лама обращается к русскому правительству с просьбой об открытии в Санкт-Петербурге буддийского храма. В связи с ходатайством Далай-ламы министр иностранных дел А. П. Извольский обращается к министру внутренних дел и Председателю Совета Министров П. А. Столыпину: «Принимая в соображение, что Далай-лама дружески расположен к России и что сохранение добрых с ним отношений имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламайского исповедования, я с особым вниманием отнесся к ходатайству его Святейшества... Что касается просьбы о разрешении сооружения храма, то я считаю долгом поддержать ее пред Вашим Превосходительством, в уверенности, что благосклонное отношение наше к этому желанию Далай-ламы произведет глубокое впечатление в нашу пользу как на него самого, так и на многих ламаистов в пределах России» [ЦГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. (1908). Л. 1].

В 1915 г. в Санкт-Петербурге открывается буддийский дацан. Идея строительства Санкт-Петербургского буддийского

храма нашла живую поддержку со стороны Российской академии наук, в частности в строительный комитет входили академики В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург.

А. Доржиев последовательно реализует многое из того, что он наметил в своей программе, в частности, открывает в Петербурге издательство «Наран» (Солнце), где начинают печататься памятники монголо-бурятской литературы; разрабатывает свой собственный «агвановский алфавит» — по одному из имен, которыми подписывался А. Доржиев, он еще называется «письменность Вагиндра»; инициирует открытие в 1908 г. при Ацагатском дацане типографии, в которой было напечатано немало уникальных изданий на монгольском и тибетском языках.

Весьма полезная, с точки зрения правительства Тибета, деятельность А. Доржиева нуждалась, по мнению Далай-ламы XIII, в наделении его уполномоченного легальным дипломатическим статусом. Санкт-Петербургский дацан и мыслился первоначально как храм при тибетской миссии. О легализации «Цанит Ханчена Агвана Доржиева» говорится в личном письме Далай-ламы Николаю II, переданном А. Доржиевым Председателю Совета Министров В. Н. Коковцову, вместе с Запиской с извещением о самостоятельности Тибета, провозглашенной после падения Цинской империи. Это письмо, переведенное на русский язык, В. Н. Коковцов переслал министру иностранных дел С. Д. Сазонову 6 апреля 1913 г. Недавно в Национальном музее Бурятии были найдены тибетские подлинники писем, отправленных из Тибета А. Доржиеву, включая и упомянутое письмо Далай-ламы. Между тибетским оригиналом и русским переводом обнаружилось расхождение, касающиеся упоминания стран, заинтересованных в урегулировании тибетского вопроса, в числе которых Далай-лама упоминает Германию, Францию и Японию. В русском переводе они заменены безличным упоминанием «других великих держав». Как предполагает Н. В. Цыремпилов, А. Доржиев в переводе не стал раскрывать схемы тайной дипломатии тибетского правительства, опасаясь вызвать излишнюю настороженность российских дипломатов, и без того не слишком расположенных глубоко влезать в тибетские дела [Samten, Tsyrempilov 2011: 27].

Синьхайская революция и падение династии Цин изменили положение в еще одном буддийском регионе Центральной Азии — Урянхайском крае (Туве). В начале XX в. в Туве функционировало 22 буддийских монастыря и насчитывалось свыше 3 тыс. лам, большинство из которых, в отличие от забайкальских лам, жили не в монастырях, а в селениях. Это объяснялось прежде всего бедностью тувинских монахов и их неспособностью прокормить учеников, поэтому ученики продолжали жить у родителей и приходили в монастыри для обучения, как в школу [Вайнштейн и др. 2008: 151]. Однако уже в 1916 г. по официальным данным, «в Урянхайском крае имелось около 10 тысяч буддийских лам» [Дацышен, Ондар 2003: 83]. На смену юрточным монастырям пришли стационарные (Верхнечадаанское и Нижнечадаанское хурээ). Верхнечадаанский храмовый комплекс (Устуу-Хурээ), официальная резиденция главы тувинской буддийской церкви — даа-ламы, был возведен в 1905–1907 гг. Главный храм (цокчин) был построен по проекту специально приглашенного тибетского ламы Кунтана Римпоче тувинским нойоном Хайдыпом. Тувинский даа-лама, в отличие от бурятских хамбо-лам, не имел автокефального статуса, а исполнял посреднические функции при монгольском богдо-гэгэне, считавшимся в Туве верховным буддийским иерархом. По-видимому, нестабильная ситуация в Центральной Азии побудила настоятеля Устуу-Хурээ камбы-ламу Лобсана Чамзы (1857–1930) обратиться к российским властям с прошением о принятии тувинского населения, проживавшего в самом большом районе Тувы — Хемчике, — под протекторат России. С таким прошением обратился и правитель Даа-кожуна, нойон Монгуш Буян-Бадыргы. Указ об установлении протектората России над Урянхайским краем был подписан Николаем II в Ливадийском дворце (Крым) в июле 1914 г. Назначенный комиссаром по делам Урянхайского края Виктор Ювентинович Григорьев, а затем его преемник — Алексей Александрович Турчанинов предпринимали усилия с тем, чтобы создать структуру управления тувинской буддийской церковью, аналогичную той, что уже существовала в Забайкалье, с тем чтобы «предоставить главе урянхайского духовенства — Бандидо камбы-ламе

равное положение с Забайкальским» [Вайнштейн, Москаленко 2008: 67–68].

После Февральской революции 1917 г. вновь образованное Временное правительство (куда входил в качестве министра образования крупнейший русский буддолог — академик С. Ф. Ольденбург) издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», в котором все граждане были уравнены в правах, независимо от национальности и вероисповедания [см.: Наследие, II 2010: 14]. Основные принципы этого постановления были в дальнейшем подтверждены и конкретизированы в специальном постановлении «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. Таким образом, впервые в России была создана законодательная база для реального религиозного равноправия. Не случайно с этого времени начинается недолгий период наивысшего расцвета буддизма в России в целом и в Сибири в частности.

В начале XX в. буддизм в Сибири осознается и правительством России, и правительствами других стран в качестве весомого фактора внутренней и внешней политики. Забайкальские ламы принимают активное участие в строительстве гимназий и училищ, устройстве госпиталей во время русско-японской войны. Распространяется представление о том, что «белый царь» является воплощением буддийского божества — Белой Тары и, следовательно, Россия является частью буддийской цивилизации и естественным покровителем и защитником буддийских народов. Царское правительство отнюдь не пытается бороться с такой мифологией и, более того, стремится использовать ее в своих интересах. Сложившаяся мифология тесно связывает буддийскую церковь в России с монархическим режимом, и с крахом последнего в 1917 г. возникают проблемы с легитимностью сложившейся системы церковного управления у высших буддийских иерархов в Забайкалье. Политика царского правительства определялась прежде всего, разумеется, исходя из его классовых и сословных интересов, интересов крепнувшей российской буржуазии, задач и вызовов, стоявших перед страной в начале XX столетия в целом, но и духовные интересы и запросы населения, пусть даже такой сравнительно небольшой его части, как буддисты Сибири, играли, как ни странно, вполне значимую и самостоятельную роль в определении внутренней и внешней политики страны.

Источники

- Архив* внешней политики Российской империи (АВПРИ).
Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ).
Центральный государственный исторический архив (ЦГИА).

Литература

- Андреев А. И.* От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. 318 с.
- Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ — Нартанг, 2006. 464 с.
- Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Тувинцы // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 51–119.
- Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П., Добжанская О. Э.* Духовная культура / Тувинцы // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 120–152.
- Вениамин*, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы Православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1885. 75 с.
- Дацышен В. Г., Ондар Г. А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республикан. тип., 2003. 278 с.
- За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева.* Л.: Гос. Изд., 1925. XXXIV + 175 с.
- Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Материалы* Комиссии Куломзина. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 6. 198 с. (163 с. + 40 фотографий).
- Наследие.* Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. 1: X — начало XX века. Ч. 2: XX – начало XXI века. М.: Изд-во РАГС; ИД «Медиа-Пром», 2010. 392 + 288 с.
- Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900–1914.* М.: Вост. лит., 2005. 231 с.
- Samten J., Tsyrempilov N.* From Tibet confidentially. The secret correspondence of the Thirteenth Dalai Lama to Agvan Dorzhiev, 1912–1925. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2011. I–XII+211 p.
- Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. Oxford University Press, 2000. XII + 223 p.